

Я.В. СЕВАСТЬЯНОВА, Д.В. ЕФРЕМЕНКО*
СЕКЬЮРИТИЗАЦИЯ ПАМЯТИ И ДИЛЕММА
МНЕМОНИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ¹

Аннотация. В статье рассматривается феномен секьюритизации памяти, ее предпосылки и последствия, включая использование исторических аргументов в межгосударственных взаимодействиях и геополитической конкуренции. Усилия по секьюритизации исторических нарративов и символических практик нередко оборачиваются диктатом со стороны доминирующих мнемонических акторов, стремящихся при помощи нормативных обоснований и инструментария защиты физической и социальной безопасности закрепить в общественном сознании определенную трактовку прошлого. На международной арене секьюритизация определенных трактовок исторического прошлого может приводить к возникновению дилеммы мнемонической безопасности. Дилемма мнемонической безопасности проявляется в том случае, когда исторический нарратив, служащий «мифом основания» для государства А или играющий большую роль в сплочении стоящего за этим государством сообщества, на систематической основе оспаривается влиятельными силами, выступающими от лица сообщества, стоящего за государством В. Если институты государства В оказывают устойчивую поддержку этим усилиям, то политические элиты государства А оказываются перед выбором: игнорировать такого рода действия или разработать свой комплекс мер, направленных на противодействие подрыву «своего» нарратива и дискредитацию исторических нарративов, значимых для сплочения сообщества в государстве В.

---

* **Севастьянова Ярослава Викторовна**, главный специалист, Институт научной информации по общественным наукам РАН, e-mail: 123almaks@mail.ru ; **Ефременко Дмитрий Валерьевич**, д-р полит. наук, заместитель директора, Институт научной информации по общественным наукам РАН, e-mail: efdv2015@mail.ru

¹ Статья отражает результаты исследования, проводимого в Институте научной информации по общественным наукам РАН в рамках проекта № 19-011-31148, поддержанного РФФИ и АНО ЭИСИ («опн»).

Ключевые слова: политическое использование прошлого; мнемоническая безопасность; мнемонические акторы; нарративы; дилемма безопасности.

Для цитирования: Севастьянова Я.В., Ефременко Д.В. Секьюритизация памяти и дилемма мнемонической безопасности // Политическая наука. – 2020. – № 2. – С. 66–86 – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.02.03>

Память о прошлом – неотъемлемая часть макрополитической идентичности тех сообществ, чей уровень консолидации и самосознания, а также связь с государством позволяют рассматривать их в качестве наций. Это верно и для тех социокультурных общностей, в которых процессы нациестроительства не являются завершенными, но вектор развития в данном направлении вполне очевиден. Как отмечает О.Ю. Малинова, «именно идея нации задает общую рамку, в которую так или иначе должна быть вписана макрополитическая идентичность» [Малинова, 2010, с. 91]. Историческая память является необходимой предпосылкой и инструментом национального сплочения. Но воздействие на макрополитическую идентичность и устойчивость соответствующего сообщества через историческую память может быть разнонаправленным, ведущим в ряде случаев не к сплочению, а к ослаблению сообщества. Острота конфликтов последних лет вокруг исторической памяти обусловлена в значительной мере тем, что разные акторы пытаются использовать трактовки прошлого как наступательное и оборонительное оружие в вопросах легитимности политического режима, оснований суверенного контроля над той или иной территорией, достижения преимуществ одной из политических сил во внутривнутриполитическом противостоянии, одной страны или группы государств – в рамках геополитической конкуренции. Память о прошлом все чаще рассматривается в контекстах безопасности – начиная с субъективного ощущения безопасности жизненного мира индивида или группы и заканчивая различными измерениями международной безопасности. В настоящей статье проблематика исторической памяти и деятельность различных акторов, направленная на ее секьюритизацию, рассматривается на пересечении социальной теории, *memory studies* и исследований международных отношений. Анализ и обобщение научной литературы, представляющей эти дисциплинарные и междисциплинарные области знания, позволяет выявить перспективные направления дальнейших исследований мнемонической безопасности и взаимодействий

акторов исторической и символической политики на международном уровне.

Историческая память как проблема онтологической безопасности

Как известно, термин «онтологическая безопасность» был введен в научный оборот британским специалистом по психиатрии и психоанализу Р. Лэйнгом [Laing, 1960], а в качестве понятия социальной теории – существенно реинтерпретирован Э. Гидденсом [Giddens, 1991]. С помощью данного понятия Гидденс характеризует уровень уверенности социальных акторов в окружающем их мире, в том, что отсутствуют значимые угрозы их образу жизни и идентичности, постоянству окружающей природной и материальной среды. По сути дела, речь идет об эмоциональных и когнитивных основаниях определения социальными акторами своих интересов, их готовности формировать сообщества и действовать стратегически в своей социальной среде [Krahmann, 2018]. Уже на уровне индивидов рутинизированные социальные практики и биографические нарративы выступают в качестве важнейших составляющих онтологической безопасности, которая, в свою очередь, оказывает влияние на политическое поведение. В этом ракурсе представляется перспективным анализировать и уровень доверия к существующему в том или ином обществе институциональному порядку, который должен играть стабилизирующую роль для межличностных и межгрупповых взаимодействий. О состоянии онтологической небезопасности (insecurity) уместно говорить в том случае, когда функционирование институтов не в состоянии купировать ощущение тревоги у индивидов или сообществ [Rumelili, 2015], возникающее из-за угрозы нарушения привычного порядка вещей и оспаривания биографических нарративов, значимых для идентичности соответствующего социального актора [Giddens, 1991, p. 52].

Если изначально построения Гидденса сфокусированы на индивидах и их жизненном мире, то перенос этой логики на социальные группы и устойчивые сообщества открывает новые аналитические перспективы, при этом порождая и ряд новых вопросов. Экстраполяция представлений об онтологической безопасности на

политологию и международные отношения более рельефно высвечивает взаимосвязь государств и стоящих за ними сообществ, включая тем самым вопросы идентичности и исторической памяти в соответствующую сферу дисциплинарного анализа. В то же время возникает проблема соотнесения традиционных для этих дисциплин представлений о безопасности с концептом онтологической безопасности. Попутно усиливаются риски того, что секьюритизация исторической памяти обернется переносом в сферу дискуссий о прошлом и идентичности подходов и инструментария, используемых для защиты безопасности и интересов государств.

Основанием для обсуждения вопросов онтологической безопасности применительно к сообществам является не только возможность их представления в качестве унитарных коллективных акторов, но также то, что способы редукции / преодоления экзистенциальной тревожности и ощущения небезопасности для индивидов и сообществ во многом являются общими. Самоидентификация, конструирование и отстаивание биографических нарративов неразрывно связаны с ощущением индивидом своей принадлежности к тому или иному сообществу, а на уровне сообществ, в свою очередь, могут происходить определение объектов страха и источников угроз, демаркация свой / чужой, которые затем оказывают воздействие на индивидуальное восприятие. Причем эти индивидуально-групповые взаимодействия являются комплексным процессом, динамика которого может быть как рутинной, так и экстраординарной. Однако даже в условиях экстраординарной динамики стремление индивида или сообщества сохранить собственную идентичность является превалирующим, и в этом смысле онтологическая безопасность может оказаться более значимой, чем безопасность физическая [Mitzen, 2006; Steele, 2008].

Вывод о том, что сохранению идентичности и онтологической безопасности в ряде случаев может быть отдано предпочтение даже в условиях угрозы выживанию сообщества или государства идет вразрез с установками представителей мейнстрима теории международных отношений, причем не только проponentов политического реализма и его модификаций, но и ключевых фигур в других направлениях ТМО, как, например, А. Вендта (конструктивизм), А. Джорджа (политическая психология) или Р. Кохейна (неолиберальный институционализм) [Herrington, 2013]. Но это лишь подчеркивает эвристическую ценность использования концепта онто-

логической безопасности в ТМО, поскольку именно с его помощью удастся объяснить такие события, как, например, «суицидальное» решение Бельгии оказать вооруженное сопротивление вторжению Германской империи в 1914 г. [Steele, 2008]. В сущности, речь не идет о конституировании еще одного направления в ТМО – обращение к проблематике онтологической безопасности позволяет заполнить некоторые из существующих пробелов в международных исследованиях, включая и аспекты политического использования исторического прошлого.

Если исходить из предпосылки, что государство, отстаивая онтологическую безопасность своего сообщества, стремится обеспечить непрерывность бытия собственного Я (иногда допуская при этом понижение порога физической безопасности), то тогда историческая память, поддерживающие ее нарративы и символические практики могут рассматриваться в качестве объектов секьюритизации. Концепция секьюритизации, разработанная лидерами Копенгагенской школы исследований международных отношений Б. Бузаном и О. Вейвером, формирует теоретическую рамку, позволяющую рассматривать в ракурсе безопасности значительно более широкий спектр явлений, которые прежде находились вне поля зрения специалистов в этой области [Buzan, Waever, de Wilde, 1998]. Общая модель секьюритизации, разработанная представителями Копенгагенской школы, служит основой для эмпирического анализа конкретных процессов, который должен выявить наличие исходных предпосылок секьюритизации (актор, референтный объект, аудитория) и определенной последовательности действий актора, позволяющих убедить аудиторию в том, что угроза референтному объекту существует и заслуживает реагирования. Следует, однако, отметить, что инновационный подход Копенгагенской школы вызвал широкую дискуссию, которую рано считать завершенной. В частности, в числе дискуссионных остается секьюритизация тех или иных аспектов идентичности [McSweeney, 1996]. Не ставя перед собой задачу глубокого погружения в данную дискуссию, мы придерживаемся трактовки секьюритизации, близкой к позиции М. Мальксоо. В этой оптике секьюритизация нарративов и символических практик, т.е. признание их значимыми для поддержания идентичности и заслуживающими применения защитных мер, рассматривается в качестве селекции, «отбраковки» тех нарративов и практик, которые не признаются полезными для

поддержания идентичности «как основы дееспособности политического актора» [Mälksoo, 2015]. Строго говоря, мнемоническая безопасность может здесь рассматриваться в качестве одного из важнейших аспектов онтологической безопасности сообщества, но, на наш взгляд, проблема состоит не в этой констатации, а в модальностях секьюритизации исторической памяти.

Турецкая исследовательница Б. Румелили предлагает в этой связи следующую объяснительную модель. Она отмечает, что в случае социальной безопасности внимание фокусируется на идентифицируемых объектах страха (например, мигрантах), которые могут угрожать жизнеспособности ранее сформировавшейся идентичности. В случае онтологической безопасности речь идет не о прямой угрозе идентичности, а о постоянной озабоченности ее стабильностью, т.е. о довольно неопределенных опасениях, связанных с возможным нарушением устоявшегося порядка вещей [Rumelili, 2015]. Однако и в последнем случае социальные акторы нередко прибегают к секьюритизации, которая выступает своеобразным механизмом преобразования вызывающей опасения неопределенности в более артикулированный объект тревоги. Иначе говоря, секьюритизация служит способом снижения неопределенности, что само по себе создает видимость некоторого повышения порога онтологической безопасности.

Подобный поиск простых ответов на сложные вопросы приводит к тому, что секьюритизация исторических нарративов и символических практик оборачивается попытками диктата со стороны доминирующих мнемонических акторов, стремящихся при помощи нормативных обоснований и инструментария защиты физической и социальной безопасности закрепить в общественном сознании определенную трактовку прошлого [Mälksoo, 2015]. Обеспечивая привилегированное положение нарратива «биографии государства» [Berenskoetter, 2014], эти акторы фиксируют его в статичной позиции, ограничивая критическую дискуссию и уровень рефлексивности данного нарратива. В долгосрочной перспективе такого рода процессы ведут к производству гораздо более серьезных рисков и в конечном счете к росту онтологической небезопасности [Croft, 2012].

Секьюритизация исторической памяти

Со времен Сорбоннской лекции Э. Ренана (1882) утвердилось понимание того, что одним из важнейших условий формирования и сохранения устойчивости нации является коллективная память о прошлом. Яркая метафора Ренана о существовании нации как о «повседневном плебисците» указывает на процессуальность, на то, что обращение к прошлому, его осмысление и переосмысление выступает важной предпосылкой достижения такого уровня национальной солидарности, который обеспечивает и актуальное согласие жить вместе, и готовность идти на жертвы ради общего будущего: «Разделять в прошлом общую славу и общие сожаления, осуществлять в будущем ту же программу, вместе страдать, наслаждаться, надеяться – вот что лучше общих таможен и границ, соответствующих стратегическим соображениям; вот что мы осознаем, несмотря на различия расы и языка» [Renan, 1991, p. 112].

Развивая метафору «повседневного плебисцита», логично прийти к выводу о том, что постоянно идущие в публичном пространстве дебаты об историческом прошлом выступают инструментом формирования и последующей актуализации национальной идентичности. Такие дебаты не являются универсальным механизмом солидаризации – напротив, они могут приводить и к дивергенции. Как показал Д. Арт, публичные дискуссии, отличающиеся достаточной широтой, интенсивностью и продолжительностью, способствуют формированию фреймов для интерпретации политических проблем и, таким образом, влияют на политические процессы и их динамику [Art, 2005; Малинова, 2018]. Обеспечивая селекцию политически пригодного прошлого, публичные дискуссии с активным участием представителей политических элит в большинстве случаев способствуют поддержанию устойчивости ядра исторической мифологии соответствующего сообщества. Прошедшие такой квазиестественный отбор исторические нарративы сами могут выступать фактором стрессоустойчивости сообщества, причем стрессоустойчивость надо понимать не просто как способность адекватно реагировать на внутренние или внешние вызовы, но как способность мобилизовать внутренние ресурсы сообщества, которые не задействованы в рутинных обстоятельствах.

Альтернативная модель состоит в утверждении нарратива при помощи инструментария, в котором основную роль играют методы политико-идеологического и государственного принуждения. Предельными случаями реализации этой модели выступают метанарративы идеократических режимов. Согласно Г. Гиллу, исследовавшему советский метанарратив, речь идет о совокупности «дискурсов, в упрощенной форме представляющих идеологию» [Gill, 2011, p. 8]. Подобные метанарративы отличались высокой степенью идеологической индоктринации; ограничением вплоть до полного подавления / жестким регулированием властью дискуссий об историческом прошлом и развитии нации (наций); акцентированием (в частности, в СССР или социалистической Югославии) наднационального характера государственности и подчиненной роли факторов этничности в отношении декларируемых политическим режимом задач государственного строительства. По сути дела, метанарративы идеократических режимов – не просто редуцированные идеологемы, но целый механизм их трансляции в повседневную реальность и репрезентации норм и ценностей, имеющих конституирующее значение для режима, при помощи определенного набора символических средств (язык, визуализация, физическое окружение, ритуалы). Метанарратив в известном смысле облегчает приспособление индивида к таким особенностям идеократии как неопределенность фактов и порочный круг, «по которому движутся все объяснения» [Геллнер, 2004, с. 161]. Одновременно идеократический метанарратив выступает средством экспликации континуума «прошлое – будущее», тем самым включая в себя исторические нарративы и лежащие в их основе смыслопорождающие мифы.

Предпосылкой формирования такого рода метанарративов является функционирование политических систем, ориентированных на достижение высокой степени политико-идеологического контроля общественного мнения либо на его подмену директивными идеологическими установками. В рамках этой модели социальная коммуникация и общественные дебаты не могут в полном объеме выполнять функцию развития национального самосознания и формирования новых фреймов для интерпретации политических проблем. Формируемый и насаждаемый сверху метанарратив заполняет вакуум, возникающий при ограничении общественных дебатов. Но оборотной стороной этого процесса становится пагуб-

ность даже относительно свободной и продолжительной публичной дискуссии (если режим в силу тех или иных обстоятельств решается ее допустить) для целостности и устойчивости метанарратива. Иными словами, в условиях даже частичной либерализации метанарратив оказывается очень уязвим, и эта уязвимость не ограничивается идеологической сферой, она распространяется на всю политическую систему и в конечном счете – на общество [Севастьянова, Ефременко, 2020].

В идеократических метанарративах тем или иным образом комбинируются элементы, относящиеся и к идеологии, и к культурной традиции (иногда практически заново сконструированной в политических целях), и к ценностным предпочтениям. Разрушение метанарратива означает невозможность сохранения его целостности, отмирание многих составляющих, но – во многих случаях – выживание других компонентов, которые могут сохранять свое значение для тех или иных типов идентичности, и, постепенно трансформируясь, передаваться от поколения к поколению. Эти компоненты могут использоваться и используются в политических целях. На постсоветском пространстве такие практики получили широкое распространение в России (особенно с начала 2000-х годов), Белоруссии, в меньшей степени – в других независимых государствах, а также в непризнанных сепаратистских образованиях, где использование компонентов советского метанарратива принимает иногда весьма причудливые формы [Voronovici, 2019].

Примером трансформации компонентов метанарратива и их политического использования может служить и Сербия. Там с приходом С. Милошевича к руководству Союзом коммунистов Сербии в 1986 г. фактически был осуществлен синтез коммунистической идеологии и сербского националистического дискурса. Этот синтез внес значительный вклад в ускорение распада югославской федерации, но в самой Сербии, а также в Черногории, регионах Боснии и Хорватии с преобладанием сербского населения он был политически функциональным. Сохраняя во многих аспектах титовскую ортодоксию в части политической организации и управления социально-экономическими процессами, новый синтетический нарратив делал упор на виктимизацию сербов, на осуждение систематической и целенаправленной недооценки роли Сербии и сербов в истории Югославии [Stojanović, 2011].

После падения режима Милошевича новая политическая элита воздержалась от кардинального пересмотра синтетического нарратива [подробнее см.: Ефременко, Мелешкина, 2019]. Вместе с тем идеологические рудименты прежнего югославского метанарратива, сохранявшиеся в программе перешедшей в оппозицию Социалистической партии, стали утрачивать свою значимость на общесербском уровне. Несмотря на то что публичный дискурс во многом продолжал контролироваться властями в Белграде, постепенно дискуссии об историческом прошлом начали приближаться к модели, описанной Д. Артом. Соответственно, в этом формате все меньшее количество рудиментов титовского метанарратива сохраняет признание в качестве политически пригодных. Разумеется, фрагменты метанарратива продолжают «приватизироваться» теми группами, которые в этом заинтересованы. Они могут выстраивать на этих обломках новые мифы и развивать соответствующие нарративные стратегии, но при этом возрастает потенциал конфликта с идентичностями и мифологией других групп внутри одного и того же общества [Govedarica, 2012]. Этот потенциал может оставаться скрытым и незадействованным, но может и быть активирован, в том числе под внешним воздействием.

Вне всякого сомнения, ситуации на постъюгославском и постсоветском пространствах – это ситуации высокого уровня онтологической небезопасности. Формирование идентичности сообществ, стоящих за новыми независимыми государствами (а к ним можно отнести и государства с досоветской и доюгославской историческими традициями, включая Россию и Сербию), – процесс весьма болезненный и конфликтный. Другое дело, что во второй половине второго десятилетия XXI в. в число «проблемных» неожиданно попали сообщества, в которых, как казалось, на смену спорам о «мифе основания» давно пришел консенсус. Соответственно, запрос на решение проблем онтологической безопасности и секьюритизацию исторической памяти становится в условиях фрагментации мирового порядка и всплесков политической турбулентности все более широким.

Однако здесь проявляется новая группа рисков.

Во-первых, стремление к секьюритизации определенного набора исторических нарративов в условиях, когда эти нарративы еще не прошли необходимой селекции в ходе широкой, интенсивной и продолжительной публичной дискуссии (а во многих неза-

висимых государствах постсоветского пространства дела обстоят именно таким образом), ведет к тому, что отбор осуществляется теми мнемоническими акторами, которые имеют очевидное преимущество в ресурсах. Используя эти преимущества, они добиваются признания определенных трактовок исторического прошлого принципиально важными для поддержания биографического нарратива государства и нуждающимися в защите от любых попыток их оспорить. Мнение и интересы других мнемонических акторов могут при этом быть проигнорированы, что уже закладывает основу для обострения в будущем конфликтов исторической памяти. Это также означает, что публичные дискуссии по значимым для общества темам если не сворачиваются вовсе, то существенно ограничиваются за счет изъятия чувствительных исторических сюжетов. Тем самым потенциал политической дестабилизации только усиливается.

Во-вторых, высока вероятность того, что «неприкосновенность» секьюритизированных нарративов будет обеспечиваться в том числе и мерами государственного принуждения, законодательными актами, предусматривающими репрессии в отношении критиков соответствующих нарративов, цензурными ограничениями. Если применение таких мер будет носить систематический характер, то возрастет опасность того, что рано или поздно секьюритизированные исторические нарративы повторят судьбу идеократических метанарративов СССР и бывшей Югославии со всеми вытекающими из этого политическими и социальными последствиями.

В-третьих, устойчиво закрепившись в домене *raison d'État*, набор секьюритизированных исторических нарративов может стать предметом межгосударственных противоречий и поводом для ведения разного рода гибридных информационных войн. В последнем случае появляются основания и для модификации дилеммы безопасности.

Мнемоническая модификация дилеммы безопасности

Рост интереса специалистов по международным отношениям к представлениям об онтологической безопасности обусловлен в значительной мере тем, что данный концепт открывает новые воз-

возможности для объяснения факторов, обуславливающих возникновение дилемм безопасности и влияющих на динамику международных конфликтов [Browning, Joenniemi, 2016]. Согласно Р. Джервису, дилемма безопасности проявляется в том случае, когда укрепление безопасности одного государства воспринимается другим государством или группой государств как угроза их собственной безопасности [Jervis, 1978]. Следует учитывать, что основой для такого восприятия служат не только и даже не столько калькуляции объективных факторов безопасности, но также интуитивные ощущения и негативные ожидания в отношении намерений партнера. Субъективные и психологические составляющие таких оценок играют особенно значимую роль в условиях общей стратегической неопределенности, дефицита доверия и коммуникации между лидерами и политическими элитами соперничающих государств. Суть классической дилеммы безопасности состоит в том, что в ответ на действия государства А лидеры государства В должны смириться с предполагаемым понижением порога собственной безопасности либо предпринять какие-либо активные ответные действия, которые, в свою очередь, могут быть восприняты руководством государства А в качестве угрожающих. В ситуации, когда руководство и политические элиты государств А и В рассматривают двусторонние отношения в модальности игры с нулевой суммой, вероятность эскалации конфликта существенно возрастает.

Конкурентные отношения государственных акторов по вопросам исторической памяти, очевидно, могут воспроизводить дилемму безопасности, хотя и с известными коррективами. *Дилемма мнемонической безопасности* возникает в том случае, когда, например, исторический нарратив, служащий «мифом основания» для государства А или играющий большую роль в сплочении стоящего за этим государством сообщества, на систематической основе оспаривается влиятельными силами, выступающими от лица сообщества, стоящего за государством В. Если институты государства В оказывают устойчивую поддержку этим усилиям, то политические элиты государства А оказываются перед выбором: игнорировать такого рода действия или разработать свой комплекс мер, направленных на противодействие подрыву «своего» нарратива и дискредитацию исторических нарративов, значимых для сплочения сообщества в государстве В. Такая динамика может особенно ярко проявляться в тех случаях, когда мнемонические

акторы современных государств, между которыми сложились остро конкурентные отношения, пытаются «приватизировать» какую-то часть некогда общего «наследия воспоминаний». Стремясь разрушить «миф основания» государства А, мнемонические акторы государства В пытаются из его обломков сконструировать свой собственный «миф основания», и, таким образом, усугубляют конфликт, переводя его на уровень антагонизма идентичностей.

Разумеется, дилемма мнемонической безопасности, как правило, выступает производным от классической дилеммы безопасности. Иначе говоря, под уже существующие противоречия, связанные с военно-стратегической и экономической безопасностью, ориентацией на те или иные союзы и межгосударственные объединения [Charap, Troitskiy, 2013], подводится исторический и символический базис, и конфликт с государством А начинает мыслиться политическими элитами и частью массовых групп государства В как важный и даже конституирующий элемент собственной национально-государственной идентичности. Другое дело, что дивергенция государств, перевод их отношений в логику игры с нулевой суммы имеют под собой определенные исторические основания, анализ которых необходим для успеха усилий, направленных на снижение конфликтного потенциала.

Дилемма мнемонической безопасности особенно сложна именно потому, что затрагивает наиболее чувствительные стороны онтологической безопасности сообществ. В этих условиях свобода маневра государственных деятелей, представляющих соответствующее сообщество, существенно сокращается, и процесс принятия политических решений может существенно отклоняться от логики рационального выбора. Деятельность политических лидеров при этом в значительной мере переходит в регистр «соответствия чаяниям» своего сообщества. Как подметил еще Р. Джервис, в отношении оппонирующего государства они почти утрачивают способность «понять, что собственные действия могут выглядеть угрожающими», недружественные шаги другого государства воспринимают исключительно как признаки агрессии, в результате чего конфликт обостряется «до такого уровня, который невозможно объяснить объективными факторами» [Jervis, 1976, p. 75].

Эскалация конфликтов исторической памяти на межгосударственном уровне редко ограничивается одним лишь ужесточением полемики и снижающейся способностью воспринимать аргументы

оппонирующей стороны. Секьюритизация памяти зачастую переходит в разработку серии ограничительных и запретительных мер, касающихся, в частности, использования «нежелательной» символики, фактического и даже юридического цензурирования печатных и электронных изданий, предоставляющих доступ к «враждебному» нарративу. В этом же контексте можно рассматривать и создание в Польше и Украине институтов национальной памяти, которые выступают в роли «мнемонических воинов» [Twenty years after communism, 2014], имеющих статус государственных органов и способных благодаря этому привлекать существенный объем ресурсов. Сама дилемма мнемонической безопасности может быть с учетом этой динамики представлена следующим образом: если в рамках межгосударственных взаимодействий проблематика исторической памяти используется одной стороной как инструмент или даже политическое оружие, то высока вероятность, что и другая сторона постарается заполучить в свой арсенал такой же инструмент или оружие.

Заключение

Коллективная память и поддерживающий ее набор нарративов, символических инструментов и практик оказывают существенное влияние на поведение малых и больших сообществ и их реакции на внешние вызовы. В этом контексте попытки воздействия на коллективные представления о собственном прошлом не могут сводиться только к «установлению исторической истины» – такие попытки так или иначе оказывают влияние на групповую сплоченность, на идентичность и модальности политических действий представителей соответствующего сообщества. К этой констатации может быть добавлен набор аргументов, достаточный для того, чтобы обосновать символическую и историческую политику на государственном уровне потребностями онтологической безопасности сообществ. Вопрос состоит в соразмерности действий масштабам вызовов, в выборе эффективного инструментария и адекватной политической стратегии, учитывающей многообразие символических и мнемонических акторов внутри той или иной страны, а также наличие наступательных стратегий ряда влиятельных внешних игроков в сфере политики памяти.

Острота конфликтов вокруг проблем исторической памяти во многом обусловлена тем, что задачи обеспечения мнемонической безопасности могут быть истолкованы превратно. Намеренно упрощенное понимание мнемонической безопасности ведет к постулированию того, что государство и стоящее за ним сообщество нуждаются в достаточно четкой фиксации определенного исторического нарратива, который соответствует идентичности сообщества, ее поддерживает и укрепляет, а также создает благоприятный фон для реализации внешнеполитических задач государства. От такого понимания остается лишь полшага до вывода, что отстаивать целостность нарратива допустимо не только в рамках открытой публичной дискуссии, но также и с использованием возможностей государственного принуждения. Секьюритизацию тех или иных нарративов можно в таком случае сравнить с применением неконвенционального оружия в рамках символической и мнемонической борьбы. Необходимо осознавать, что секьюритизация исторической памяти сама по себе сопряжена с рисками и опасностями, масштабы которых – особенно в долгосрочной перспективе – вполне могут превзойти негативные стороны длительной и откровенной дискуссии о сложных вопросах исторического прошлого.

В случае России налицо альтернатива: власть как доминирующий символический и мнемонический актер мобилизует ресурсы для того, чтобы попытаться навязать массовым группам удобный для себя образ прошлого (и, соответственно, создать платформу для определения текущей политической повестки и формирования образа будущего), либо власть ограничивается тем, что устанавливает «правила игры» и очерчивает рамки взаимодействия различных символических и мнемонических акторов относительно политической интерпретации истории. Также следует учитывать, что стратегия может быть рассчитана на удержание *status quo* (т.е. будет преимущественно оборонительной) или на обеспечение воспроизводства в будущем определенного набора представлений об историческом прошлом (а значит, – насколько возможно – воспроизводства политических и интеллектуальных элит, эти представления поддерживающих).

«Войны памяти», инициируемые частью политических и интеллектуальных элит Центральной и Восточной Европы, опасны не только нацеленностью на ревизию международного статуса современной России как страны – наследницы СССР, но и тем, что,

активируя конфликты вокруг исторического прошлого, они могут усилить напряженность, связанную с расхождениями идентичностей и представлений о прошлом различных групп российского общества. Наибольшая опасность «войн памяти» видится в том, что их легко развязать, но очень сложно завершить. На протяжении последних лет мы наблюдаем, что международные интеракции по проблемам исторического прошлого все чаще трансформируются в дилемму мнемонической безопасности. При этом антагонистический характер дискуссий о прошлом зачастую становится самоподдерживающимся. Как справедливо отмечает Алексей Миллер, мнемонические акторы, наиболее активно участвующие в «войнах памяти», «озабочены прежде всего утверждением исключительных прав своего нарратива в пространстве своей общности, воспринимая любую его критику как диверсию против ее единства и сплоченности. Именно в этом кроются корни необычайной активности стран Восточной Европы в производстве законодательных актов, ставящих под запрет попытки оспорить ту или иную интерпретацию, заданную национальными нарративами. Поэтому, кстати, так важен вопрос о том, чем руководствуется воинственный мнемонический актор, предпринимая коррекцию нарратива, – действительно ли он готов пересмотреть собственную позицию или просто старается сделать свой нарратив менее уязвимым для критики, не меняя его по существу» [Миллер, 2019, с. 90].

Батальные сцены современных «войн памяти» вызывают все большую тревогу. Слишком большое число мнемонических акторов в разных странах, чьи действия вышли за пределы национальных границ, заинтересованы в сохранении и даже еще большем усилении конфронтации по проблемам исторического прошлого. Но означает ли это, что любые усилия, направленные на преодоление конфронтации, обречены на провал? Хотелось бы надеяться, что нет, не означает. Во всяком случае, эксперты по проблемам политики памяти, осознанно отказавшиеся от роли «мнемонических воинов», могут и должны предупреждать национальные и наднациональные политические элиты о серьезных рисках секьюритизации исторической памяти и переноса конфликтов памяти в сферу межгосударственных взаимоотношений. Представляется своевременным поставить вопрос и о разработке международным сообществом исследователей памяти своеобразного этического кодекса. Одновременно имеет смысл значительно активизировать

исследования, направленные на разрешение мнемонических конфликтов, что, по всей видимости, потребует сближения исследовательских программ конфликтологии и *memory studies*.

Список литературы

- Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. – М.: Московская школа политических исследований, 2004. – 240 с.
- Ефременко Д.В., Мелешикина Е.Ю. Югославский метанарратив и современная югостальгия в странах Западных Балкан // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2019. – № 4. – С. 56–71.
- Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. Политические исследования. – 2010. – № 2. – С. 90–105.
- Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти: сб. научн. тр. / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. – М.; СПб.: Нестор-История, 2018. – С. 27–53.
- Миллер А.И. Рост значимости институционального фактора в политике памяти – причины и последствия // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2019. – № 3 (94). – С. 87–102. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2019-94-3-87-102>
- Севастьянова Я.В., Ефременко Д.В. Прошлое и будущее в советском метанарративе: взаимосвязь национального и наднационального // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы: коллективная монография / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. – С. 40–60.
- Art D. The politics of the Nazi past in Germany and Austria. – Cambridge: Cambridge university press, 2005. – 232 p.
- Berenskoetter F. Parameters of a national biography // European journal of international relations. – 2014. – Vol. 20, N 1. – P. 262–288. – DOI: <https://doi.org/10.1177/2F1354066112445290>
- Buzan B., Waever O., de Wilde J. Security: A new framework for analysis. – Boulder, CO; L.: Lynne Rienner, 1998. – 239 p.
- Browning C.S., Joenniemi P. Ontological security, self-articulation and the securitization of identity // Cooperation and conflict. – 2016. – Vol. 52, N 1. – P. 31–47. – DOI: <https://doi.org/10.1177/0010836716653161>
- Charap S., Troitskiy M. Russia, the West and the integration dilemma // Survival. – 2013. – Vol. 55, N 6. – P. 49–62. – DOI: <https://doi.org/10.1080/00396338.2013.862935>
- Croft S. Securitizing Islam: identity and the search for security. – Cambridge: Cambridge university press, 2012. – 278 p.
- Giddens A. Modernity and self-identity: Self and society in the late modern age. – Stanford: Stanford university press, 1991. – 256 p.

- Gill G.* Symbols and legitimacy in Soviet politics. – Cambridge: Cambridge university press, 2011. – 356 p.
- Govedarica N.* Zemlja nesigurne prošlosti: Politike sećanja u Srbiji u periodu 1991–2011 godina // Revizija prošlosti. Politike sjećanja u Bosni i Hercegovini, Hrvatskoj i Srbiji od 1990 godine / T. Banjeglav, N. Govedarica, D. Karačić (eds.). – Sarajevo: ACIPS & Friedrich Ebert foundation, 2012. – P. 163–234.
- Herrington L.* Review – Ontological security in international relations // E-International relations. – 2013. – July 27. – Mode of access: <https://www.e-ir.info/2013/07/27/review-ontological-security-in-international-relations/> (accessed: 25.11.2019).
- Jervis R.* Perception and misperception in international politics. – Princeton, NJ: Princeton university press, 1976. – 544 p.
- Jervis R.* Cooperation under the security dilemma // World Politics. – 1978. – Vol. 30, N 2. – P. 167–214. – DOI: <https://doi.org/10.2307/2009958>
- Krahmann E.* The market for ontological security // European security. – 2018. – Vol. 27, N 3. – P. 356–373. – DOI: <https://doi.org/10.1080/09662839.2018.1497983>
- Twenty years after communism: The politics of memory and commemoration / Kubik J., Bernhard M. (eds.). – Oxford: Oxford university press, 2014. – 384 p.
- Laing R.D.* The divided Self: an existential study in sanity and madness. – Harmondsworth: Penguin, 1960. – 224 p.
- McSweeney B.* Identity and security: Buzan and the Copenhagen school // Review of international studies. – 1996. – Vol. 22, N 1. – P. 81–94. – DOI: <https://doi.org/10.1017/s0260210500118467>
- Mälksoo M.* «Memory must be defended»: Beyond the politics of mnemonical security // Security dialogue. – 2015. – Vol. 46, N 3. – P. 221–237. – DOI: <https://doi.org/10.1177/0967010614552549>
- Mitzen J.* Ontological security in world politics: state identity and the security dilemma // European Journal of International Relations. – 2006. – Vol. 12, N 3. – P. 341–370. – DOI: <https://doi.org/10.1177/1354066106067346>
- Renan E.* Qu'est-ce qu'une nation? – Paris: Pierre Bourdas et fils, 1991. – 128 p.
- Rumelili B.* Peace anxieties: a framework for conflict resolution // Ontological security and conflict resolution: peace anxieties / Rumelili B. (ed). – Abingdon: Routledge (PRIO New Security Studies Series), 2015. – P. 10–29.
- Steele B.* Ontological security in international relations: self-identity and the IR state. – New York: Routledge, 2008. – 210 p.
- Stojanović D.* Value changes in the interpretations of history in Serbia // Civic and uncivic values Serbia in the post-Milošević era / Listhaug O., Ramet S., Dulić D. (eds.). – Budapest: Central European university press, 2011. – P. 221–240.
- Voronovici A.* Internationalist separatism and the political use of «historical statehood» in the unrecognized republics of Transnistria and Donbass // Problems of Post-Communism. – 2019. – Vol. 65, N 4. – P. 1–15. – DOI: <https://doi.org/10.1080/10758216.2019.1594918>

Ya.V. Sevastyanova, D.V. Efremenko*
Securitization of memory and dilemma of mnemonic security

Abstract. The article examines the phenomenon of memory securitization, its premises and consequences, including the use of historical arguments in interstate interactions and geopolitical competition. The efforts to securitize historical narratives and symbolic practices often turn into dictate by dominant mnemonic actors. By using normative judgements and tools of protection of physical and public security, they seek to consolidate a certain interpretation of the past in public opinion. On the international arena, competitive relations of state-related actors on the issues of historical memory may reproduce the classic security dilemma, albeit with particular adjustments. The dilemma of mnemonic security arises when a historical narrative, which serves as a «foundation myth» for a state A or plays a large role for uniting the community within this state, is systematically challenged by influential forces that act on behalf of the community, which is represented by state B. In case when institutions of the state B provide sustained support to these efforts, then the political elites of the state A faces the following choice: either to ignore such actions or to develop its own set of measures aimed at counteracting this undermining of «one's own» narrative and at discrediting historical narratives that are important for uniting the community in the state B.

Keywords: political use of the past; mnemonic security; mnemonic actors; narratives; security dilemma.

For citation: Sevastyanova Ya.V., Efremenko D.V. Securitization of memory and dilemma of mnemonic security. *Political science (RU)*. 2020, N 2, P. 66–86. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.02.03>

References

- Art D. *The politics of the Nazi past in Germany and Austria*. Cambridge: Cambridge university press, 2005, 232 p.
- Berenskoetter F. Parameters of a national biography. *European journal of international relations*. 2014, Vol. 20, N 1, P. 262–288. DOI: <https://doi.org/10.1177/2F13540666112445290>
- Buzan B., Waever O., de Wilde J. *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder, CO., London: Lynne Rienner, 1998, 239 p.
- Browning C.S., Joenniemi P. Ontological security, self-articulation and the securitization of identity. *Cooperation and conflict*. 2016, Vol. 52, N 1, P. 31–47. DOI: <https://doi.org/10.1177/0010836716653161>

---

* **Sevastyanova Yaroslava**, Institute of Scientific Information of Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: 123almaks@mail.ru; **Efremenko Dmitry**, Institute of Scientific Information of Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: efd2015@mail.ru

- Charap S., Troitskiy M. Russia, the West and the Integration Dilemma. *Survival*. 2013, Vol. 55, N 6, P. 49–62. DOI: <https://doi.org/10.1080/00396338.2013.862935>
- Croft S. *Securitizing Islam: identity and the search for security*. Cambridge: Cambridge university press, 2012, 278 p.
- Efremenko D., Meleshkina E. Yugoslav metanarrative and contemporary yugonostalgia in Western Balkan countries. *Political expertise: POLITEX*. 2019, N 4, P. 56–71 (in Russ.)
- Gellner E. *Conditions of liberty. Civil society and its rivals*. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy, 2004, 240 p. (in Russ.)
- Giddens A. *Modernity and self-identity: Self and society in the late modern age*. Stanford: Stanford university press, 1991, 256 p.
- Gill G. *Symbols and legitimacy in Soviet politics*. Cambridge: Cambridge university press, 2011, 356 p.
- Govedarica N. The land of uncertain past: Memory politics in Serbia in the period 1991–2011. In: Banjeglav T., Govedarica N., Karačić D. (eds.). *Revizija prošlosti. Politike sjećanja u Bosni i Hercegovini, Hrvatskoj i Srbiji od 1990 godine*. Sarajevo: ACIPS & Friedrich Ebert Foundation, 2012, P. 163–234. (In Serbian)
- Herrington L. Review – Ontological security in international relations. *E-International relations*. 2013. July 27. – Mode of access: <https://www.e-ir.info/2013/07/27/review-ontological-security-in-international-relations/> (accessed: 25.11.2019).
- Jervis R. *Perception and misperception in international politics*. Princeton, NJ: Princeton university press, 1976, 544 p.
- Jervis R. Cooperation under the security dilemma. *World Politics*. 1978, Vol. 30, N 2, P. 167–214. DOI: <https://doi.org/10.2307/2009958>
- Krahmann E. The market for ontological security. *European security*. 2018, Vol. 27, N 3, P. 356–373. DOI: <https://doi.org/10.1080/09662839.2018.1497983>
- Laing R.D. *The divided Self: an existential study in sanity and madness*. Harmondsworth: Penguin, 1960, 224 p.
- McSweeney B. Identity and security: Buzan and the Copenhagen school. *Review of international studies*. 1996, Vol. 22, N 1, P. 81–94. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0260210500118467>
- Malinova O. Yu. Symbolic politics and the constructing of macro-political identity in post-soviet Russia. *Polis. Political Studies*. 2010, N 2, P. 90–105 (in Russ.)
- Malinova O. Yu. Politics of memory as a field of symbolic policy. In: Miller A., Efremenko D. (eds.) *Methodological issues of memory studies*. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoria, 2018, P. 27–53 (in Russ.)
- Mälksoo M. «Memory must be defended»: Beyond the politics of mnemonical security. *Security dialogue*. 2015, Vol. 46, N 3. P. 221–237. DOI: <https://doi.org/10.1177/0967010614552549>
- Miller A. Growth of the Significance of Institutional Factor in Politics of Memory – Causes and Implications. *The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia*. 2019, N 3 (94), P. 87–102. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2019-94-3-87-102> (in Russ.)

- Mitzen J. Ontological security in world politics: state identity and the security dilemma. *European journal of international relations*. 2006, Vol. 12, N 3, P. 341–70. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354066106067346>
- Renan E. *What is the nation?* Paris: Pierre Bourdas et fils, 1991, 128 p. (In French)
- Rumelili B. Peace anxieties: a framework for conflict resolution. In: Rumelili B. (ed.) *Ontological security and conflict resolution: peace anxieties*. Abingdon: Routledge (PRIO New Security Studies Series), 2015, P. 10–29.
- Sevastyanova Ya.V., Efremenko D.V. Past and future in Soviet metanarrative: interplay of the national and supranational. In: Miller A., Efremenko D. (eds.) *Politics of memory in contemporary Russia and East European countries: actors, institutions, narratives*. Saint Petersburg: Izdatelstvo evropejskogo universiteta, 2020, P. 40–60 (in Russ.)
- Steele B. *Ontological security in international relations: self-identity and the IR state*. N.Y.: Routledge, 2008, 210 p.
- Stojanović D. Value changes in the interpretations of history in Serbia. In: Listhaug O., Ramet S., Dulić D. (eds.) *Civic and uncivic values Serbia in the post-Milošević era*. Budapest: Central European university press, 2011, P. 221–240.
- Twenty years after communism: The politics of memory and commemoration*. Kubik J., Bernhard M. (eds.) Oxford: Oxford university press, 2014, 384 p.
- Voronovici A. Internationalist separatism and the political use of “historical statehood” in the unrecognized republics of Transnistria and Donbass. *Problems of Post-Communism*. 2019, Vol. 65, N 4, P. 1–15. DOI: <https://doi.org/10.1080/10758216.2019.1594918>